

Глава 67. Целовать пёсика

Как перо, как желе, а ещё как мягкий лепесток.

Влажное тёплое прикосновение скользнуло по щеке Цзян Тана. Близкое дыхание и прохладный аромат окутали его так тесно, что ему даже стало не хватать воздуха. Перед глазами у него всё поплыло, а в следующий миг словно расцвели фейерверки.

И исчезло в одно мгновение не только это сияние перед глазами, но и то прикосновение, которое он и сам не знал, можно ли назвать поцелуем.

Фу Линцзюнь сам неведь когда уже рассеял лицо-маску. Его красота была одновременно демонической и бессмертной. Он приблизился к нему почти вплотную, а в его взгляде ещё таилась какая-то невыразимая глубина и нежность.

Когда перед тобой такая красота, голова идёт кругом.

Да, да... да босс же только что его поцеловал?.. Н-не может быть?!

Но почему? Как так?! Это же вообще не должно было случиться!

Сердце Цзян Тана колотилось так, будто вот-вот выскочит из груди. В следующий миг у него всё закружилось перед глазами, а всё тело размякло, как мороженое под летним солнцем. Он попытался закрыть лицо руками, но к щекам прижались только две мягкие лапки.

Белые, пушистые, с розовыми подушечками.

— Иу-у...

Как он снова превратился?!

Пушистый комочек жалобно пискнул детским голоском, а губы Фу Линцзюня, скользнув по пылающей щеке юноши, опустились уже на мордочку мохнатого зверька.

Влажный розовый носик дёрнулся, и два огромных влажных глаза невинно уставились на него.

Фу Линцзюнь: «...»

Жар во всём теле тут же схлынул.

Цзян Тан и сам перепугался от внезапного превращения! В прошлый раз, когда он стал человеком, он вообще ничего не осознавал. А вот так, будучи в сознании, вдруг взять и превратиться... нет, в этот раз не в человека, а обратно в пушистика, это с ним впервые. Почему он вдруг снова обернулся? Неужели сердце слишком быстро забилося и тело не выдержало?

Одежда тяжело накрывала его сверху. Пушистый комочек, лишь чуть больше ладони, с трудом вылез из складок ткани. В голове у него крутилась не мысль о том, сможет ли он снова стать человеком, а всё то, что сделал Фу Линцзюнь.

Т-только что это был поцелуй? Или Фу Линцзюнь просто случайно его коснулся? А если это всё же был поцелуй, то с каким настроением босс его поцеловал? Как человека? Или как питомца?

Постойте, на этот вопрос он, кажется, вообще не мог ответить. Когда его поцеловали, он был

человеком или зверьком? В какой именно момент он превратился, а-а-а! И какие у них теперь отношения, по-прежнему питомец и хозяин? У-у, когда он был маленьким зверьком, босс относился к нему очень хорошо. Когда он стал человеком, тоже хорошо. Тогда почему босс вообще его поцеловал? Мозги Цзян Тана уже не тянули, у него начиналась кислородная недостаточность.

Если бы сейчас по нему можно было что-то понять, он, наверное, уже целиком стал бы варёной креветкой, от макушки до пят.

Пушистый зверёк жалобно свернулся в маленький шарик, будто над ним жестоко поиздевались. Два мягких больших уха поникли, а хвост, пышный как облако, накрыл мордочку.

Горячо. Хоть яйцо на нём вари.

Он свернулся клубком и решил спрятаться от мира, как страус, но безжалостная большая рука Фу Линцзюня ухватила его за пушистую шкурку на загривке, а затем легко положила целиком себе на ладонь.

Поджав губы, Фу Линцзюнь протянул палец и поддел мягкий подбородок белого комочка.

—Ын.

Цзян Тан ничего не знает. Он всего лишь маленький пёсик! Дайте ему сначала спокойно обдумать, что вообще происходит, и не смейте его тискать!

Но Фу Линцзюнь был крайне искусен в том, чтобы пользоваться чужой слабостью.

Мягкий, незащитный комочек не мог сбежать с его ладони, и он просто сжал пальцами челюсть Цзян Тана, заставив Сяо Бая открыть рот, а затем разломил ту чёрную вонючую пилюлю, похожую на носок, пополам и сначала засунул в рот половину.

Цзян Тан: ???

Да чтоб тебя! Что Фу Линцзюнь вообще засунул ему в рот?!

Сначала во рту разлилась горечь и терпкость, а потом в нос ударил такой смрад, что всё внутри светло. Цзян Тан инстинктивно захотел выплюнуть, но сверху бесцеремонно накрыла ладонь, не давая ему ничего выплюнуть.

—Ум-м-м!

Отпусти! Цзян Тану казалось, будто у него во рту плавают сто вонючих носков! Ему конец!

Но кое-что в мире бессмертных было устроено просто до абсурда нелепо.

Пусть это и была большая пилюля, почти как шоколадное драже... тьфу, вонючая пилюля, но, стоило ей попасть в рот, как она начала стремительно таять с той скоростью, которой Цзян Тан боялся больше всего.

Словно те сто вонючих носков плавали-плавали у него во рту, а потом вдруг исчезли, так что и остатка не выловишь. Остался только густой запах, медленно расплывающийся внутри.

— Иу-у-у...

Пушистый комочек закашлялся так, что из глаз чуть не брызнули слёзы, и только тогда Фу Линцзюнь отпустил его рот.

Глазастый маленький пёсик плакал так, что шерсть на мордочке намокла. Его просто расплакал этот смрад.

Он открыл рот и снова судорожно дёрнулся в сухом позыве.

Но пилюля уже давно растаяла, превратившись в лекарственную силу, и выплюнуть было нечего.

Цзян Тану было так обидно!

Так вот, значит, как назывался его приём с красивым лицом? Ловушка на красоту?! Чтобы скормить ему эту вонючую пилюлю, он даже до такого опустился?! Он знал, что стоит ему разволноваться, и он примет исходный облик, поэтому и провернул этот подлый трюк?!

Цзян Тан невольно вспомнил одну глуповатую жирную собаку, которую его друг растил с самого детства. Псина была не слишком умной, зато нюх у неё был первоклассный. Когда она болела, то наотрез отказывалась пить лекарства, и как её ни уговаривали, рот не открывала. Друг ради того, чтобы скормить ей таблетки, вытворял что только мог, например крошил лекарство в корм или растворял в воде. Но та собака каждый раз всё вынюхивала и отказывалась. В итоге друг одолжил у соседки красавицу золотистого ретривера. Глупый пёс, стоило ему увидеть хорошенькую собачку, тут же начинал пускать слюни, и только тогда друг ловил момент и запихивал ему лекарство в пасть.

Сейчас ему казалось, что он сам и есть тот самый пёс, которого одурачили красотой!

Ему было ужасно стыдно, ужасно обидно и ужасно хотелось бессильно завывать во весь голос!

Он ведь правда подумал, что Фу Линцзюнь хотел его поцеловать?! С чего у него вообще родились такие дикие фантазии?!

Пылающий от ярости пушистый комочек вцепился лапами в ладонь, на которой лежал, и с рычанием укусил длинные пальцы Фу Линцзюня, от мизинца до указательного, так что всю его руку вымазал слюной.

Вот только он забыл, что на пальцах Фу Линцзюня ещё оставался запах разломанной вонючей пилюли. Пушистик кусал и одновременно мотал головой от вони.

Нет, этот запах слишком убойный. Сейчас его вывернет.

Хотя Цзян Тан кусал его совершенно всерьёз, Фу Линцзюнь лишь смеялся. Сначала он убрал оставшуюся половину вонючей пилюли, а затем с интересом положил Цзян Тана на одеяло и дотронулся до его носа тем самым мокрым пальцем, который весь был в следах от укусов.

Мужчину можно убить, но унижать нельзя. От стыда и злости Цзян Тан даже заговорить не мог, только в бешенстве бросался кусать Фу Линцзюня.

Эта слабая, бесполезная, мягкая борьба чуть подняла Фу Линцзюню настроение. Его ладонь прошлась от ушек пушистого комочка до самого хвоста. Такого гладкого, приятного на ощупь меха он давно не чувствовал, и потому невольно гладил снова и снова.

Но Цзян Тан, которому казалось, что над ним нагло заигрывают задаром, вовсе не хотел, чтобы его тискали просто так. Кусаться было бесполезно, Фу Линцзюнь оказался толстокожим. Хотя он и вымазал его всю руку слюной, прокусить не сумел даже самую малость. А чем дольше кусал, тем больше ему казалось, что улыбка Фу Линцзюня становится какой-то подозрительно извращённой. Он был точь-в-точь как человек с дразнилкой для кошек, который развлекается с маленьким зверьком. Поэтому Цзян Тан просто нырнул всем телом под одеяло, оставив снаружи только пушистый хвост.

Фу Линцзюнь тут же потянулся потрогать и хвост. Цзян Тан раздражённо дёрнул им, но Фу Линцзюнь с завидным упорством продолжал тянуться и гладить. От злости Цзян Тан чуть снова не кинулся его кусать.

Так человек и зверёк возились довольно долго, пока Цзян Тан наконец не устал.

— Иу-у-у.

Спать, спать. Он сдаётся.

Раньше Фу Линцзюнь был круглым двоечником в зверином языке, но на этот раз будто понял, что хотел сказать Цзян Тан. Он протянул руку, прижал его к себе и собрался спать.

Цзян Тан, которого вдруг сгребли в объятия: «Ын».

Хотя раньше, когда он был зверьком, босс часто носил его у себя на груди, сейчас, после того непонятого поцелуя, от которого у Цзян Тана до сих пор всё путалось, ему стало немного неловко.

Его целиком, с головы до хвоста, окружил приятный прохладный аромат. Ему нравился этот запах. И этот человек ему тоже нравился.

Рука, обнимавшая его за плечи, была широкой и сильной. От этого Цзян Тан невольно вспомнил, как тот нависал над ним, как упирался рукой рядом с ним и как близко ощущалось его тёплое дыхание.

Пушистик снова начал нагреваться и, пылая ушами, спрятал ими своё лицо.

Но в отличие от Цзян Тана, у которого голова была забита шоком, радостью и какими-то странными сладкими чувствами, Фу Линцзюнь, едва Цзян Тан немного привык к своему пушистому облику, уже уснул. Дыхание у него стало тяжёлым, как у человека, который долгое время не мог нормально спать и вдруг наконец получил мягкую удобную постель.

За эти несколько дней он, пережив ветер и пыль дорог, в одиночку неизвестно откуда поспешно вернулся назад, а потом ещё и потратил столько духовной силы, чтобы создать злого духа, которого непременно заметили бы все.

Будущее было неясным, а путь тяжёлым и долгим.

Он уже очень давно не спал так хорошо.

Его натянутая, болезненная душа успокоилась рядом с мягким пушистым комочком. Слабый сладкий аромат разогнал всю его ярость, оставив ему редкий и драгоценный покой.

Цзян Тан и раньше не раз бывал так близко к Фу Линцзюню.

Но, кажется, впервые он видел его таким беззащитным.

Даже во сне его красивые брови были чуть нахмурены, словно и там, в сновидении, оставалось что-то, о чём он не мог перестать тревожиться.

Свеча в комнате ещё не догорела.

Пляшущее пламя окрасило комнату в тёплый жёлтый свет, и густые чёрные ресницы прекрасного человека отбросили на лицо две слегка дрожащие тени.

Цзян Тан осторожно выбрался из объятий Фу Линцзюня и мягкой лапкой коснулся его межбровья.

Розовая подушечка легонько прижалась, разглаживая тревоги, терзавшие его во сне.

А потом, в ту ночь, когда он снова превратился в пушистый комочек, Цзян Тан так и не смог уснуть.

На следующее утро, когда он проснулся с двумя чёрными кругами под глазами, до него смутно донеслось тихое бормотание за дверью.

Это был Е Чжэнвэнь.

— Да быть не может... они всё ещё... не встали?!

Рядом с его рукой тёрлась огромная белая голова.

— Ао-у~

Серебряный морозный тигр, которого в человеческом мире было неудобно выпускать наружу, наконец снова учуял запах любимого Сяо Бая и несколько раз протяжно заскулил у плотно закрытой двери.

Ему почудилось, что рядом с запахом Сяо Бая есть ещё какой-то другой.

Это был запах того человека, которого он опасался. Только теперь этот запах уже не был таким страшным, как прежде. Он переплетался с запахом Сяо Бая и даже приятно пах.

— Ао-у!

Хозяин, скорее иди искать Сяо Бая!

Е Чжэнвэнь одной рукой сжал огромную тигриную пасть и потащил белого тигра чуть в сторону.

— Тшш! Не разбуди людей!

Вообще-то он не хотел быть занудой, который портит всем настроение, но молодой господин Цзян, как и Сяо Бай, ел по три-пять раз в день. Ладно уж, если брат Линь сам не ест, это его дело. Но не выпускать молодого господина Цзяна поест, это уже как-то чересчур.

Цзян Тан, который вчера съел половину пилюли со вкусом вонючего носка, сейчас вообще не особенно хотел есть что-либо ещё.

Пусть та пилюля и воняла ужасно, но после неё почему-то надолго приходила сытость, да и сил заметно прибавилось.

Когда вчера он проснулся, всё его тело было в холодном поту, а сам он чувствовал сильную слабость. Он даже начал подозревать, не простудился ли, до того был разбит.

Но после той вонючей пилюли и бессонницы почти на всю ночь Цзян Тан сейчас чувствовал себя на удивление бодро. Он не только не хотел спать, но и телу стало гораздо легче.

Вот только его всё ещё держал в объятиях Фу Линцзюня, так что даже потянуться он не мог.

Цзян Тан с трудом вытащил руку из объятий Фу Линцзюня, потёр глаза и вблизи уставился на то лицо, которое поразило его до глубины души ещё при первой встрече.

Фу Линцзюнь и правда был очень красив.

Когда он был холоден, он уже был красив. Но, возможно, Цзян Тану только казалось, что после того, как ночью он разгладил его нахмуренные брови, всё лицо прекрасного человека стало мягче.

Словно ледяной снег с горной вершины открыто слетел прямо на кончики его пальцев, а потом медленно растаял, превратившись в ласковую воду.

Цзян Тан не удержался и осторожно подул на прядь волос, упавшую Фу Линцзюню на лоб.

Фу Линцзюнь не проснулся.

Тогда он снова протянул руку и потрогал прямой красивый нос.

Фу Линцзюнь по-прежнему не проснулся.

Цзян Трусишка осмелел всё больше и больше. Он вытянул палец, чтобы коснуться ресниц Фу Линцзюня, ткнул его в щеку, а в конце даже с извращённым восторгом захотел потрогать его губы.

Густые ресницы вдруг распахнулись, и в чёрных глазах отразилось увеличенное лицо Цзян Тана.

— Я...

Цзян Тан неловко хотел отдернуть руку, но Фу Линцзюнь уже сжал её в своей ладони.

<http://bllate.org/book/17032/1644688>